

Борис ПОДОВАЛОВ (г.Барнаул) ... У реки Нижне-Каменка, у горы Бабырган

Радана приехала ближе к вечеру, но дома никого не было. У нее был ключ, и она вошла в особняк.

В прихожей она сразу увидела на полу и на столике квитанции. Их было много. Квитанции были от различных банков, были выставлены суммы, которые надо было оплатить немедленно. В случае неуплаты грозились на коттедж наложить арест. Все эти квитанции были адресованы зятю. Он брал кредиты, а деньги не отдавал. Да откуда они? Он сейчас не работал, да и не хотел работать. Он был в некой «фрустрации»... состоянии неопределенности, и эти квитанции его не задевали, а чтобы они не мешали пройти ему в комнату, он их отпихивал ногами.

... Приехала дочь. Ее первая фраза: «Мам, я рада, что ты приехала. Здорово!» Ужин был приготовлен, она знала, что мама едет.

Разговор за ужином.

Дочь: «Ну что, мам, надо менять, менять все, продавать дом... уже покупатели у нас появились».

Радана: «Ну че, давай будем продавать».

— Сто тысяч надо добавлять.

— У меня денег нет.

— Ну, тогда у тебя будет квартира на седьмом этаже не в лучшем районе.

— Мне все равно.

— Я звоню риэлтеру. Эти квитанции, это угрозы со стороны банков, подтолкнули нас быстрее продавать коттедж.

Мы очень дешево продали свой дом. ЛЮСЕ пришлось в долги влезать, брать ипотеку. Тяжелое было время и длилось оно месяца четыре. Стресс у меня вылез. Я заболела. Шестого мая риэлтер сказал: «Сделка сделана».

Я села в кресло, и не могу сдвинуться. Звоню сыну: «Сынок, ты помоги мне!»

— Че я тебе, мама, буду собирать твои вещи...

— Тот же ковер снять со стены, он такой тяжелый, его надо выхлопать, вытащить со второго этажа... а эти коробки — куда их... у меня там коряги, у меня там камни, много

чего... как я буду это тащить...

— Мама, эти коряги, эти камни... что ты с ними носишься... ты опустишь хоть немного пониже.

— Сынок, мне не трудно спуститься, ты поднимись на ступень.

... я последние силы собрала, чтобы переехать.

Мне говорили: «Ну что ты, не могла в другом месте найти: тут трамвай, такой шум...»

У меня было такое состояние, мне оттуда сбежать скорее хотелось. Я первая оттуда выскочила. Я бегом оттуда неслась. Много чего не взяла: сейчас схватишься: это надо было взять, это... Тогда мне было безразлично, надо было сбежать оттуда.

... Я целый месяц ходила кругами, на грани была, на грани.

Когда я пришла к врачу, он говорит (пульс щупает): знаете что, у вас грань была — между жизнью и смертью. Вы держитесь внутренним стержнем, сердце у вас — ноль... почти что... вы вовремя пришли... иначе вас было бы не собрать...

Он в Китае учился, по пульсу меня проверил...

Он говорит: никаких больниц, никаких психологических центров, никаких таблеток — будете приходить сюда... лечиться долго...

А я только что переехала на квартиру, — надо деньги в квартиру вкладывать, за лечение надо... где брать деньги, первую неделю у меня такой раздрай был, я металась, я не находила места. Так думаю, пять тысяч у меня есть, на дверь отложила, я уже в магазине дверь выбрала... А тут пришлось на лечение ходить, и пошли эти деньги на лечение, на питание...

Я плохо уже себя чувствовала, через дорогу боялась пройти, меня всю колбасило: у меня кружилась голова, мне казалось, что я упаду... я себя взяла: в панику не бросайся! Я себя вот так вот взяла... и я удержалась.

Врач говорит: «Никакого ремонта вам делать не надо, поберегите себя, поберегите. У вас стены есть, переехали. Физический план — он не играет роли, а вот то, что стрессы вы пережили, это — самое страшное, на разрушение вошли... сейчас все внимание — на себя, все внимание на себя».

... прихожу к нему четвертый раз; полтора часа сижу; я уже — давай психовать. Во-первых, у меня был псих — где деньги брать на лечение, раздрай у меня был дикий по деньгам, и каждый раз — 330 рублей. Как там лечение пойдет — не знаю, каждый раз — 330 рублей. Я думаю, если месяц, да каждый день, где такие деньги возьму? Я к нему захожу и говорю: «Еще бы пять минут — я бы ушла», он говорит: «Радана, а кому это нужно здоровье?» Я — хоп, говорю: «Мне».

— Понимаете, почему вы просидели?

— Понимаю. И мне так тюкнуло: мне мое здоровье нужно, что я так дергаюсь. Он специально продержал меня под дверями, чтобы я осознала полностью — это надо мне: ни маме, ни папе, ни детям, мне надо быть здоровой. Я должна, наконец, обратить на себя внимание. И Господь мне даст эти деньги, все у меня найдется, все у меня будет. Я успокоилась.

Первую неделю — это было что-то: и понос у меня был, и голова у меня болела, и сердце у меня, вообще — в лежку лежала.

Перед тем, как лечиться, я месяц в квартире сидела, я круги нарезала: то я туда, то я сюда, то в ванну зайду, то туда, то сюда. Девчонки: «Радана, ты чего делаешь?» Я говорю: «Девчонки, сижу дура-дурой». Я блукала, блукала, блукала, кружила, кружила, кружила... Я месяц вообще не выходила никуда, то, что со мной происходило, надо принять. Принять и не расстраиваться. Кружишь — ну и кружи на здоровье. Так надо на данный момент, не сопротивляйся, че сопротивляться, чему? Я сидела: да, я — дура, да, нету памяти, нету памяти — ничего не соображаю, ничего не помню. Мне надо было прописываться там по свету и свет переводить, и телефон, они мне объясняют, я сообразить ничего не могу, пишу на бумагу, и вот опять же — дура-дурой... Я ничего не понимаю. Я говорю: «Повторите, пожалуйста». Отошла, и опять ничего не помню. Как я ходила, ничего не помнила, ничего не соображала...

... У меня друг. Мы уже сколько лет с ним. Уже сколько лет знакомы, и он меня водил. Он говорит: «Я тебя свожу», — я рассказала все, как есть. Он меня свозил по телефону, он меня свозил по свету — он мне рассказал, где что. Он все мне рассказал, я так ему благодарна. Сегодня он мне позвонил и говорит: «Что ты говорила, что у тебя душ сломан, если хочешь, я тебе куплю и поставлю». Я потом положила трубку, у меня аж слезы потекли...

И вот я прошла лечение. Один курс — шесть раз. Он прижигал меня лечебными сигаретами... Две недели я отдохнула. Он говорит: «Еще курс лечения иглоками...»

Первые три дня тяжело, очень, сердце у меня — в полоск... Потом он сказал: «Две недели отдохнуть». И я перестала переживать, я отпустила эту ситуацию, я просто стала принимать эту ситуацию, как есть.

У него музыка мелодичная, бамбуковые светильники, циновка, водичка бежит... Я не стала напрягаться, где я найду деньги на следующее лечение, я не стала переживать...

Потерянный рай

Когда мне предложили переехать к ним, меня долго уговаривали. Люся нашла этот дом. Погода была хмарная, дождичек шел. Они зашли в дом, а мы со сватом стояли в проулке, улочка узенькая — дома впритык. Ой, мне здесь не нравится... нет, нет, нет. Был октябрь месяц, их нету и нету. Через час выходят, приглашают. Я говорю: «Нет». И сват, и я говорим: «Нет! Мы не пойдем!» Я только в калитку вошла — там все в цветах, октябрь месяц... георгины цветут, астры цветут, бархатцы цветут, запах такой... другая планета, на крыльце — горшки с цветами, все цветет. И банька тебе, и шашлычная, гараж и погреб есть. Ну, все как бы... и тепличка есть, море цветов... это же рай.

Я дала согласие. И это махом все продается. Мы переезжаем. Я-то мечтала: все мы будем в доме собираться, дом двухэтажный, внучек много, трое детей — места всем хватит.

С чего начался «рай»

«Рай» начался, когда я квартиру свою продала... Я жила у них месяц. Дима выступал, он пил. Знаки были мне. Я думала — мы переедем, и все изменится. Родителей не будет. Они постоянно лезут... я-то думала так.

А мы ночевали у них. Как раз у Кати был день рождения, ей три года было. И Дима напился на день рождения дочери — там че творил: орал, кричал, стекло выбил на кухне. Сват сидит на кухне, его, помню, прямо трясет.

— Что ты с нами делаешь...

— А ты помнишь, что ты делал с нами двадцать лет назад, как мы с мамой убегали, сидели на лавочке, а ты кипяток с четвертого этажа на нас лил... соседей всех на уши поднимал, помнишь?

Мы переехали. И вот это началось. Началось сразу же, через месяц, первого числа, первого января он устроил дебош, избил Люсю. Я начала защищать Люсю. Я защищала ее от Димы. Потом-то я поняла: это ее жизнь, я не вправе вмешиваться, это ее жизнь: ударил по башке — значит, есть за что... А на Новый год ночевала у нас сестра двоюродная, она позвонила моему сыну, пожаловалась, что Дима избил Люсю. Сын пьяный, поддатый, берет такси, пятьсот рублей платит за такси, приезжает, забегают на второй этаж, ну поддатый, за сестру заступиться... что тут было... Я перепугалась, оттащили его: «Ты что делаешь? Сдурел?!» Он рыдает, плачет.

«Не видишь — он больной, родители его угробили, он сам уже не рад».

А прошлый год я его крапивой ожваривала: «За папу, за маму, за дочь мою!» Крапивы набрала для бани, а потом как меня тюкнуло: «Дай-ка, я его ожварю!» Пьяный пришел, а обещал, что не будет пить.

... недельку-две поживет, и месяца три не видать его. Придет и че попало орет на нас, а Люсю — матерками...

Крапивой я его три раза по горлу... Он: «Эх, ты что, сдурела?» Я: «Сдурела! Я тебя отстираю, только так! Ты сколько будешь издеваться над нами?» Махом соскочил, оделся и исчез, месяц его не было... А Люся, она его любила. Она его до сих пор жалеет. Сколько раз его пьяного в милицию забирали, не родителям звонят, а Люсе. И она

бросает все, едет, и его забирает. Она до сих пор его жалеет: «Мама, он отец моей дочери, отец моей дочери!» И она все время ему говорит: «Дима, я тебе всегда помогу!» Да, она его жалеет.

... Вот так. У него силы нету, у него нету своего стержня, он по указке родителей живет. А отец... глоткой брал, орал, он до сих пор орет.

Сватья... это, извините, че толку — твое образование.

— Я — психолог.

— И что? Все — по схемам, по схемам...

... левой пяткой дал и пошел, терпи... это наши проблемы... у меня нога зачесалась — я вам дала под дыхло.

Господь посылает... дать под дыхло. Чтобы люди прошли это.

Почему ребенок умирает... родится только и умирает... чего он нагрешил? Чтобы через это прошли его родители. Вот и все.

Мы создаем контракт еще там, наверху... кто-то несет отрицательную роль... а как должны научиться в этом мире, как...

Сватья... она ничего не осознала... она осуждает Люсю.

Вы хоть благодарите... она дает вам Катю, внучку вашу, я бы не дала, а у вас одно осуждение: в том-то виновата, в том-то, такая растакая.

Я говорю: но почему я на вас никогда не кричу, не ору, не требую от вас ничего.

Она же еще психологию преподает, этикет, как вести себя в обществе, как че... Это вам не тяп-ляп... Она такая дамочка... таких кровей... тютти-мутти, тютти-пути...

Меня считает ниже уровнем.

Я на них смотрю... как будто с какой планеты пришли: «Надо быть успешным, надо быть успешным»... оно не дает счастья... радости у них нету, радости.

Я теперь понимаю, что они скрывали — у них сын больной растет, родился со справкой.

Помню, это еще было, когда мы в коттедже жили.

Приехала ночью... я вообще обалдела! Она возле него стелет, ложится рядом на полу, на своей курточке... Я спросила, я проговорила...

С тех пор — как рукой сняло, больше никогда не приезжала... Никогда.

Муж то ее, сват, говорит: она что, с ума сошла? — в шесть утра пришла пешком, всех собак на уши подняла.

Она, видать, в четыре часа ушла... И шла ночью по городу.

Поездка в Куюс

Татьяна, подруга, звонит: «Поедешь с нами в Куюс? Я беру Татика, внука, его не с кем оставить, а ты забирай Катю».

Я говорю: «Поеду». Там у них летняя дача, филиал фирмы — все вместе. Я звоню доктору. Он говорит: «Если вы там можете подольше, в Горном, побудьте, лечение будет в сентябре месяце... может быть вы приедете, а вам и лечение не надо».

Днем выезжаем в Куюс, выехали за город, проезжаем по мосту: внизу Обь — вид обалденный.

Ко мне вернулось привычное состояние, хочется говорить, смеяться. Врач — тьфу, тьфу — подлечил немного. Я говорю, как ко мне тянутся люди, какие даю советы...

Виктор Семенович:

— Тебе бы надо помолчать, ни разу не была в молчании...

— Нет, не была ни разу. Анна ни разу не назначала молчание. Придет момент — я буду молчать.

Я два раза в затворках была, пять дней молчала — ни с кем не разговаривала... все, все, я могу молчать.

— Радана, ты как моя внучка — не затыкаешься ни на минуту.

Я опешила. Сам притащил меня.

— Знаете что, Виктор Семенович...

— Помолчи.

— Все, все, застегиваю, не разговариваю.

Едем молча. Татик и Катя — на заднем сиденье — таращат глаза на дорогу. Орут: «Тойота, Мицубиси!»

Они очень хорошо играют. Татик с Катей очень хорошо играют. Они как бы с трех лет вместе.

... там, на даче гремит гром... Катя выскакивает, кричит: «Татик, Татик, Гроза сейчас будет!»... за мужчину переживает, за своего, изначально — в ребенке это заложено... Я это четко уловила, и она его защищает...

И у него привычка: закапризничает, падает... грязь ни грязь, в белой одежде новой — падает в грязь. Падает в грязь и она, сломя голову, ложится с ним рядом... да, такое было, она ложилась с ним рядом... У него привычка, в машине едем — ложатся на пол, он медитирует, у него это — с детства... Я его с двух лет знаю... и она ложится и пошла башкой... Я говорю: «Ты-то какого хрена башкой болтаешь? Это он так медитирует, а ты — какого хрена?» Вот она один в один все повторяет. Я тогда поняла, это изначально — заложена программа в женщине, изначально. Я запомнила, что она бежит и кричит: «Татя, гром! Давай, в дом заходи!.. Гроза сейчас будет!» Она его опекает... хотя он старше ее. Ему десять лет, а ей в декабре - восемь. А какие у них игры... то они телевизор смотрят, то купаются, то они пойдут шорохаться по участку, то в машину залезут, че-то сломают, залезут... то лезет к железкам, ко всяким этим кнопкам. А она тут рядом стоит; ой,ой,ой — все, что есть, все ломает везде, все вытащит — батарейки — ой, везде залезет! Везде нажмет, а дед снова вещь покупает, деваться некуда. В этот раз увидел в гараже «видик», увидел, то ли он сломанный. Дед ему не дал, за ухо его вывел. И он давай кричать: «Ненавижу деда!» Истерику закатил, потом пошел, взял около телевизора дивиди внизу, и прет его наверх, уже сам взял — все включил!

— Ты зачем притащил?

— А наверху сломалось, мне дед разрешил, никто ему, конечно, не разрешал... то домработнице скажет: «А че ты, тетя, на работу сегодня поздно пришла... дедушка вам это самое...»

— Отнеси дивиди.

— А мне дедушка разрешил, вы не имеете право! Это наше, а вы здесь работаете.

Новые замашечки пошли, он все впитывает... Домработница, она ради всех работает, она там хозяйкой себя чувствует... и тем не менее...

Я говорю: «Тань, так-то парнишка он хороший... неуравновешенный, может закричать: «Я жить не буду, я сейчас утоплюсь, я убегу», и убежал. Никого не слушается, где прошел там... уронил, сломал. Разрушитель он. Разрушает стереотипы. Семь лет я с этим ребенком тыркаюсь, и, конечно, много он разрушил моих стереотипов».

Дорога, машины, за окном — пейзажи. Проехали Бийск, развилка, прямо дорога — на Горный, направо — Белокуриха, Алтайское, а там — ее село, Нижне-Каменка...

... я воспитывалась у бабушки. Мама жила с отчимом. Отчим был не хозяйственный, топить печку нечем было. А мне десять лет. Мамочка еще болела. Я мешок за горб и за дровами.

Я уходила, плакала... этот корешок тянула, тянула, тянула... и сижу, рассматриваю, потом топили печку из этих корешков. Зимой на санках возила; через дорогу была пилорама, я ходила — кубики всякие собирала... печку топить. Я сама была по себе. Уйду, где-то там, на плотину, корни ходила выкорчевывать, там старые корни... Надсадила пуп себе, надсадила и руки все. Баба придет, я плачу: «Баба, у меня болят руки». Гладит меня, гладит. Никому до меня дела не было. Еще зарабатывала денежки. Мне тринадцать лет было. Я ходила маральник собирала, черемуху, почки березовые. Соберу, высушу, потом сдаю. Помню, заработала двенадцать рублей. Пошла, значит, туфельки купила на каблучке. Купила футболку. Я себя маленько придела. Попыталась заработать... Картошки накопать мешок, тут картошка, тут картошка, в руках — по тыкве... идешь, тащишь... С горы спускаться... руки опустишь — тыквы с горки скатываются, разломаются. Пройдешь через речку — напротив дом. Картошку отнесешь, приходишь за тыквой... складываешь для свиней эту разбитую тыкву, знаешь, что она разломается, а все равно хочется посмотреть, как она разломается. Детство есть детство.

Виктор Семенович:

— Радана, ты чего молчишь?

— Вспомнила детство, как я за маральником, за корягами ходила. Вот откуда у меня тяга к корягам, к камням, к цветам...

— Я был в Москве и проверял свою ауру. Она у меня бело-лавандовая.

— У нас, Виктор Семенович, одинаковая с вами аура. У меня тоже бело-лавандовая.

— С такой аурой вы должны видеть людей насквозь... А психолога своего не разглядели... пока вы были в отъезде — она вас «обустроила» на миллион рублей.

— Помолчи, не я ее на работу принимал. Татьяна, она у нас отдел кадров.

Татьяна:

— Она меня к себе расположила.

Виктор Семенович:

— У тебя не сработала интуиция. Зашлакован организм, импульсы не могут пройти в голову, я уж не говорю о тонком плане. Почитай книгу Клариссы Эстес «Женщина, бегущая с волками». Женщина с хорошей интуицией считывает опасность: идут красные огонечки... у тебя шли красные огонечки...

— А у тебя шли красные огонечки, когда ты ездил на семинар к экстрасенсу, который обещал оживить людей с того света... Сколько денег принес ему, не помнишь?

Виктор Семенович:

— Помолчи.

Татик:

— Помолчите все. Мы медитируем.

Дети закрывают глаза и якобы входят в транс.

Дорога, пейзажи, шум реки.

Радана снова погружается в воспоминания.

... была суббота. Февраль месяц. Мы с мужем идем. А муж должен был лечь в больницу: он тяжело болел. Я говорю: «Знаешь что... хорошо, что мы живем на пятом этаже».

— А чем хорошо-то?

— Я бы давно выбросилась из окна... как мы с тобой живем, так я бы давно выбросилась. А с пятого прыгать — живой останешься.

Подошли к подъезду, сумки были тяжелые, остановились и стоим, отдыхаем. И — хоп! Эти вороны начали каркать, каркать — две вороны подлетят, потом отлетают, подлетят — отлетают.

Я говорю: «Подожди, мне вороны что-то хотят сказать».

— Дурью не майся!

Он ушел. Я осталась. А бабки на лавке сидят и говорят: «Сегодня родительская суббота, надо поминать, в церковь надо идти». Я спрашиваю у воронов: «А че вы каркаете, о чем вы хотите сказать?»

... и мне идет... в церковь надо сходить. Подходит муж. Он говорит: «Ну что тут они тебе накаркали?»

— В церковь надо нам; сегодня родительская суббота.

А мы должны были поехать в больницу, к внучке. Мы задержались и опоздали. Тихий час. Не успели. Я прям чуть не до слез. Ребенок нас ждал. Женщина у больницы торгует свечками, и она говорит: «Ваша внучка ходила тут». Она болеет, а мы так к ней отнеслись. Она говорит: «А вы в церковь с ней ходили?»

Третий раз говорю мужу: «...вот, видишь, третий раз сегодня говорят». А церковь — через дорогу.

Я поняла, что мне надо мужа в церковь, он болел. Это был февраль месяц, а в мае его не стало. Я купила свечки, говорю: «Подойди к этой иконе, попроси у Николая Угодника помощи». И впервые в жизни у меня муж молился и плакал.

И я теперь стала на эти вещи обращать внимание, и когда я была на втором Мультинском озере, я там с камнем разговаривала, просто интересно было.

Пришла на берег вечером, сижу... наблюдаю за облаками. Смотрю закат, наклонилась на кедр... смотрю — камень лежит в стороне. Мы ходим здесь каждый день — камня не было. Я смотрю на горы, тут этот камень, смотрю — лицо, рот разинутый...

Я задаю вопрос: «А ты со мной хочешь поговорить?»

— Да.

— А кто ты такой?

То ли Игрых, то ли Игрик, сейчас не помню. Я говорю: «А как ты здесь оказался?»

— Я издалека.

— А для чего ты здесь?

— С тобой поговорить.

— О чем?

— Я хочу тебе сказать, что ты очень интересный человек, что все у тебя получается, и получится, и не бойся делать шаги, которые ты делаешь. Поговорили, все, разговор окончен.

— А как я могу поверить, что так оно и есть... а то скажут: «Ненормальная какая-то».

А камень говорит, что увидишь знак необычный, знак — это как бы то, что есть. И завтра придешь — меня не будет, это — второй знак».

Ну, лежит камень, просто камень. Поворачиваю голову — черная белка.

Я в жизни не видела черных белок. Я так удивилась! Хоп — на кедре белка сидит. Думаю — ну вот, это первый знак! Ну, вот она, белка. На следующий день прихожу, камень лежит. Думаю — ну все, это враки. Оказывается, суток-то еще не прошло. Прихожу после обеда — камня нет. Вот тебе пожалуйста.

Виктор Семенович:

— Радана, опять ушла в себя.

— Да так, всякие наваждения.

— А мы тут спорим: надо увольнять домработницу, или не надо?

— Не надо.

— Сама же говорила: халда на халде, и еще раз — халда!

— Да, говорила, но увольнять не надо.

... а дело было так. В прошлый приезд мы вернулись с прогулки: были на Катунь, на полуострове.

Домработница начала орать: «Дети съели все конфеты!» Коробка была с конфетами, и она орет, по-дикому. Дети съели все конфеты, а я видела — в вазочку она высыпала полкоробки, полкоробки занимала вазочка... Где дети съели всю коробку...

Я ей говорю: «Люда, все конфеты буду теперь считать». Потому что она, когда никого нету, она детей своих кормит этими конфетами, сама много ест конфет. Я говорю: «Я теперь буду считать...» И она ушла. Пошла наверх прибираться... Потом спускается и говорит: «А че, правда я начала орать-то... у меня такое нервное состояние».

А Татьяна ей потакает: хоп ей пятьсот рублей, хоп — тысячу, помимо зарплаты. А та: «Спасибо, Татьяна Ивановна! Спасибо!»

Я взбаламутила это все. Татьяна хотела убирать в кладовке, я говорю: «Тань, пусть она работает, не возвращай тихого врага... сейчас у нее очко взиграет, двадцать тысяч, извините, получать в деревне... она всю семью кормит». Я говорю: «пусть она работает»... волну мы закрутили.

В этот раз я побывала в отрицательной роли.

Она-то и прижала... где она такую работу найдет... и питание там, извините, тебе и орехи, тебе и фрукты, рыбы жирные там всякие, мясо и варенье — все, все, все...

Так что, эту волну я там подняла.

Радана:

— Нет, Виктор Семенович, увольнять ее не надо. Она местная... и это чревато... А где гарантия, что лучше найдете? Я Татьяне сказала: «Вот вы ее сейчас в отпуск отправите, потом в увольнение. Где гарантия, что вы найдете лучше? Найти-то найдете, найти можно, но у вас забор в забор, вы дом построили... а они коренные... и непонятно, что дальше будет... палки в колеса будет ставить... она же это не простит вам, и вы ничего не сделаете, рот ей не закроете...»

Вот поэтому оставьте ее — все равно мы эту волну закрутили, замутили... очко у нее все равно выиграло... где она такую работу найдет за двадцать тысяч...

Виктор Семенович запел:

... лаванда, горная лаванда, наших встреч с тобой — горные цветы...

... его продукция по всему миру идет... лечебные препараты на основе трав Горного Алтая... у него столько медалей, у него пять звезд всяких разных, номинаций. Люди притягиваются туда... А если что — он их убирает.

Потому, что «Алтавит» — продукт многофункциональный, вибрационный.

Виктора Семеновича все боятся, потому что он может уволить за одно слово, за одно действие... И вроде бы он там редко бывает, занимается всем его жена. И если Виктор Семенович прошел, что-то увидел, узнал, что-то кто-то не так сказал — все! Вызывает человека: «...пиши заявление... так... уволен». Бесплезно что-то объяснять — «Вы уволены!» И все это знают.

... вроде бы неосторожно брошенная фраза, но она несет за собой... состояние человека, и это отражается на продукции, это отражается на окружающих людях.

«... лаванда, горная лаванда...» — дурачась, подключились к пению дети. Они скорее орали, чем пели.

Люди уходят те, что с негативом. Это стимуляция, своего рода осознание самих себя. Зацепился ты или не зацепился, что-то принял там, научился чему-то или от обиды ушел и с обидой так и живешь, или что-то от этого взял, понял, что к чему и... пошел дальше. Люди начинают семинары посещать. Приезжал музыкант из Америки — такие лекции закатывал... Виктор Семенович весь Алтавит туда согнал, он всех согнал... Возмутились некоторые, но куда деваться, не пойдешь — тебя уволят; молодежь идет, им начинает нравиться... себя познавать. Семинаров у них очень много. Недавно приезжали из Новгорода, из храма...

— лаванда...

«Ну, хватит, Виктор Семенович, хватит, выпейте чайку», — не выдерживает Радана ... и наливает им чай из термоса, чай, настоящий на горных травах. Это всех успокаивает, хотя дети продолжают кривляться на полтона ниже.

... за окном — Манжерок, Катунь, ее пороги... другая тема, другая мелодия, другая стихия. Многие художники пытались как-то передать это состояние... но почти никому не удавалось договориться с духами воды, с духами гор. Одному разве Гуркину?..

Его «Хан-Алтай», « Озеро горных духов» — чуть приоткрывают тайну тысячелетий. А сколько художников летом приезжают сюда, приезжают из Москвы, из Кемерово, Новокузнецка... Увы, мастерство тут не причем.

Шум реки, виды Катуня, горы...

На «сотовом» высветился звонок. Виктор Семенович: «Алло, да, да... мы проезжаем Манжерок... в районе канатной. Хорошо, жди...»

Виктор Семенович: «Позвонил Васин, потеснитесь, он с нами поедет».

На окраине села Манжерок к нам подсел художник Васин с этюдником за плечами. Васин: «Мне до Курая».

Виктор Семенович: «А может к нам заедешь?»

Васин: «Как духи благоволят».

Виктор Семенович: «У тебя комуз с собой?»

Васин: «Да».

— Пошамань...

Васин играет на комузе, переходит на горловое пение... это у него получается.

Он многие годы проводит на Алтае, месяцами живет здесь, ходил в походы на лошадях, и в одиночку. Алтай его завораживает.

Васин: «...алтайцы вгоняли горный хрусталь под кожу, чтобы узнать тайны Земли. Это больно, но зато у них знания появились, глубинные... в темноте лежит этот камень — горный хрусталь, на поверхности он эти знания теряет, нашел в темноте — на свет его не выноси. Они себя шаманами считают... Они каждую травинку уважают, лишний раз камень не поднимут — грех. Покорять горы нельзя. На Белуху он не пойдет. Такая раньше вера была. А христианство... чуть-чуть от природы отодвинуло человека. Здесь ты раб всего, а там он был друг, они договаривались, они чувствовали друг друга... ты меня пропусти, дай мне пройти... ты — друг. Национальные праздники возвращаются, фотографировать запрещают... мою энергетику нельзя трогать. У староверов такое же было. Вы запечатлеваете его образ, его энергетику. На Курае был в этом году, на празднике в Кош-Агаче... они к своим истокам идут, идет такой разворот.

... Укок, плато Укок? ... нарушили покой царицы, зачем потревожили. А тут как раз землетрясение — совпало, а может — нет. Глупость. В Новосибирске лежит, вроде принцесса, а полуголая... это оскорбляет. Для ученых — открытие, а для нас — потрясение.

И горы стали таять. Я вот три года назад сравниваю... на двести метров меньше ледники... красота уходит... Курай, ледник Актру, Северо-Чуйский хребет... сухо все становится... Ну что это — ледники уходят, камни будут... нарушение какое-то идет...»

Васин снова берет комуз, играет, но пение становится грозным, чуть пугающим. Закончив играть, продолжает: «...на Каракольских озерах есть «Замок Духов». Там

камни торчат. Алтайцы это называют «трещина двух миров», мистическое место. Мы два раза с туристами проходили, как ни остановимся — ругаемся. Я спрашиваю у хранителя Каракольских озер, Бориса Михайловича, он потомственный шаман...

— Это выход энергий. Ночевать там нельзя.

Я написал картину «Свидетель. Тайны Каракола». Там каждое растение подсказывает, камень лишней раз пнешь — начинаешь спотыкаться, пока не скажешь: «... извини, я нечаянно...» Настроишься — и день хороший, и зверя увидишь...

Играет на комузе

... есть такие места... один слышит — хор поет, другой — музыка играет. Сидим. Нас четверо... Это меня озадачивает. Моментов таких много.

... то ли воды подземные там идут... разные голоса... это за вторым Мультиным озером. Сейчас туда не пускают, там староверы обосновались, неохотно туда пускают. Геологи мне говорят: «Вулкан на тебя влиял».

Загадка есть. Чувствуешь, кто-то тебя наблюдает. Я понял: и Библия, и Коран... но чтобы уходить туда корнями... природа, она изначально, и все в ней заложено.

Травинка, камень — такая простота, такая глубина.

Я был в недоумении. Это впервые мне открылось, и не узнаешь, что такое Дух Алтая - Хан-Алтай... Я начал верить.

... я встаю, и не могу встать, не знаю, как ходить, я забыл, как ходить. Костер развести

не могу... Дня три такое было.

Мигает что-то... воины идут как в фильмах, дети... Страх какой-то... Параллельный мир какой-то... войско проходит...

Я курил тогда, зажигаю спичку, она горит квадратиками... в глазах — боль, я не вижу, щелочки открываю — свет, как сварка идет... И уйти нельзя, два дня в одном месте. Я подумал: «Меня же искать будут, семья... будут волноваться...» Глаза начали заплывать, я наощупь уходил. Я как ребенок, я не знал, как ходить... Хорошо, что дождь прошел... по тропинке: слева река. Я перешел ручей, чуть ли не ползком, сразу звуки прекратились, и что интересно... я без очков вижу, на четыре диоптрия зрение восстановилось.

Эта музыка мировая, формулы какие-то, там все перекликается: и горловое пение, и женский голос.

Рядом шла группа, сильные ребята, и два дня не могли шагу сделать, они даже не могли костер разжечь, нервная система отключилась.

... отношение у меня стало проще: раньше шел... цвет надо передать, состояние... а сейчас я понял, хоть какое произведение напиши — не имеет значение, странное такое ощущение. Подойдет время — напишешь, не подойдет — не напишешь... жизнь как переживание...

Пауза. Слышно, как идет машина, и рядом шумит Катунь.

... недалеко от Усть-Муны остановились. Катунь, горная речушка. Все вышли из машины. Женщины вытащили съестные припасы, что находились в коробках, пакетах. Мужчины разводили костер на гальках у реки. Дети бегали, как угорелые. Татик изображал из себя Батыра. Он, видимо, был с дедушкой на алтайском празднике «Эл-Ойын», где молодые крепкие алтайцы в национальных одеждах на конях пытаются у противника отнять овечку (игра эта называется «Кок-бору»). А батыры подходили к большому гладкому камню и... поднимали его. Что и делал Татик, перепоясав себя веревкой, он с криками: «Я — батыр, я — батыр», пытался сдвинуть камень. Потом изображал шамана: палкой изо всех сил бил по пустому ведру и крутился на месте. Катя изображала Укокскую принцессу: обвешала себя ленточками, на голову водрузила метелку, и важно ходила по поляне, брякая монетами. Неожиданно Татик подбегает к скатерти, где расставлены закуски: сыры, колбаски, зелень всякая, хлеб подсушенный, арака... хватает трехлитровую банку, на треть заполненную красной икрой, и бежит к реке. Бабушка: «Татик, Татик!» побежала за ним, но было поздно. Татик со всей силой кидает эту банку в реку... Бабушка: «Татик, ты что, с ума сошел?!»

Татик: «Бабушка, я задобрил духов реки...» Все, кто наблюдал эту сцену, только развели руками. Даже «принцесса» была в недоумении, и только «духи» реки, похоже, были довольны: сильный поток уносил икринки в Катунь... А птицы кричали: «Татик, Татик». Всем было весело. Всем, кроме бабушки: «Чем же мы будем угощать гостей из Москвы?»

«Палками, бабушка, палками», — кричал Татик. (Есть такой вид массажа, когда бьют по спине мокрыми прутиками, и затем катают на гальках у холодной Катунь)

... выпили араку и Васин на комузе начал играть и петь, заполняя все пространство гортанными звуками. Горы усиливали их, послышался гул — это в горах пошел камнепад. Васин все понял, перестал играть. Быстро сели в машину, и вперед, на Куюс.

В селе Куюс

Переночевали в Куюсе, а утром каждый уехал по своим делам. Радану оставили с ребятами. Они ходили играть на полуостров. Там лодки проходят. Она задавала вопросы: «Кто что видел со своего пункта, сколько лодок было, какого цвета жилеты были, какие каски... что происходило?»

А в этом месте сильное течение, и лодки разворачивало, и, что интересно, ребяташки наблюдали по-разному. А было воскресенье — и много плыло лодок, цветные такие лодки, жилетики разные. Она их собрала: «Так, сейчас вы будете называться «красная футболка», «желтая футболка», зеленая... центр — черный. Следим за лодками, следим за противником... если заметили где-то течь у лодки - посылаем сигнал, посылаем водолазов».

... и это надо было видеть: что тут началось... они перекликаются, а там такая бухточка... рыбаки сидят... им наплевать, что там, кто там...

Кристина кричит: «Красный!»... А у Татика красная футболка, а он не откликается, а он не сообщает, где у него красный цвет... это надо было видеть... Я там над ними ухохатывалась. Потом я их собрала на открытом пространстве — там бревно лежит. Я спрашиваю: «Кто что заметил?»

Кристина, эта девочка, заметила все: и какого цвета лодка, и какие полосы на ней были, все, все, все. Четыре часа мы были там... Та кричит: «Течь, пробило лодку, зеленая лодка в желтых жилетах, срочно высылайте водолаза!» Я говорю Кристине: «Луч красного цвета, посылайте зеленого цвета, заделывайте лодки...»

Они включились, три дня играли в эту игру. А лодки там крутит. Утром подходят ко мне: «Идем на работу». Это у них называлось «идем на работу». А я им пообещала пожарить сало. Люде, домработнице, говорю: «Мы идем на реку»... взяла сало, хлеб. Она говорит: «Возьми оладьи, печенье, сосиски возьми». Я: «Да будут ли они это есть?» Она: «Деревенские наши дети все едят. Они — голодные дети». И правда, они все съели. Я сделала им такой костер... шатром таким, красивым.

Юра раздал оладушки, потом печенье, все поели. А теперь будем жарить сало... «Ой, сало — ура!» Начали жарить сало, а вкусно, сало с хлебом, обалденно вкусно...

Настин брат, Кирилл, которому восемь лет, начал камни в реку кидать... орет, кричит... Я говорю: «Так, шума нам здесь не надо, шума не надо... собирайся — и навверх, вон берег, мне такие дети не нужны...»

— Можно, я останусь?

— Веди себя прилично. Река не любит, когда ее отгоняют камнями, она не любит шума, ты же ее бьешь камнями...

Ребенок задумался:

— Ой, а я могу блинчиками...

— Блинчиками... река любит, когда ее гладят блинчиками... по щечкам, она любит... какая у тебя сообразительность, сколько у тебя блинчиков получится...

... и вот он начал собирать камушки и уже «блинчики» начал кидать...

— Никогда не кричите, не ругайтесь, бить камнями не надо, шуметь около реки... дух реки это не любит.

... и вот костер. Через костер они прыгали, я их заставляла прыгать. «Да, да, — говорю, — сжигается вся энергетика плохая... на праздниках прыгают через костер, на Троицу

прыгают через костер, когда проходят игры, в день Ивана Купалы... на масленицу... прыгали раньше через костер...»

... уже темнеть стало, там же горы. Костер горит.

«А теперь, — я говорю, — давайте, ребяташки, кто о чем мечтает». И вот ребяташки начали рассказывать.

Эта девочка, Кристина, говорит: «Я бы хотела, чтобы у нас было побольше помещение, была бы квартира побольше, нам тесно. Мы живем как бомжи. У нас одежды нет, жить не на что. У нас трое детей, хочу, чтобы мама зарабатывала деньги... А то она ходит «в ночное», а я остаюсь с сестренкой, ей два месяца. Я хочу, чтобы папа к нам вернулся, он от нас ушел. Я хочу, чтобы мама больше отдыхала».

Я спрашиваю у домработницы: «Что значит «уходит в ночное»? Она отвечает: «Да мать у нее — проститутка, на ночь уходит, трое детей у них».

Я обалдела, когда все это услышала.

А другой мальчишка, ему десять лет, говорит: «А я хочу умереть...»

Я говорю: «Юра, ты, что про это говоришь... почему ты хочешь умереть?»

— А у меня брат женится. У него будет ребенок и с ребенком придется сидеть мне.

Я говорю: «Так он еще не женился, ребенок еще не родился, а ты такое уже говоришь...»

— Такие вещи, ребята, не говорите. Вот тебе одуванчик...

Юра: «А у меня еще мечта попасть в ад».

— А зачем в ад-то?

— Да убить Дьявола, везде добро носить...

— О чем вы мечтаете — проговорили, сейчас это уйдет, а теперь давайте делать кораблики. Сделайте кораблики, каждый индивидуально и пошлите кораблики со своими желаниями. Давайте собирать палки, шишки — и проговаривайте свои желания. И эти кораблики отправляйте.

Потом Юра плаху такую нашел; палки воткнул, лопухи... махом все устроил, и сделал большой общий корабль. Я говорю: «Проговаривайте свои желания и... пусть понесет река ваши желания, и все осуществится. А теперь вот так вот ручками, и «радость» давайте прокричим, чтобы у всех была радость... раз, два, три — «Радость»... и все в горку пошли, и все растворилось...

Разговор с Катунью

Разворот реки, коряги, камни. Радана входит в состояние легкой медитации. Шум реки постепенно отодвигается...

... я была застенчивой, одинокой и немного замкнутой, подростком лелеяла чего-нибудь добиться, любить и быть любимой, иметь подруг или, по крайней мере, мечтать.

... однако, ни того, ни другого не происходило, был сковывающий страх и неуверенность в себе. У меня начала развиваться ненависть к себе. В жизни некуда было податься, не к кому было обратиться. Гадким утенком я себя считала. И детей я не любила. Я не могу понять, почему детей я не любила. Да — так было. И сейчас у моей Люси такое же: «Мам, я не знаю, почему...»

Я не знала любовь, я говорю: «Дочь, я не знала любовь, я не могла вам дать эту любовь, потому что я ее не знала, как ее едят и с чем ее едят. Я ее не получила, никто меня не научил любви этой».

... как я плакала. Я взяла фотографию, прижалась к девочке, которая первоклассница... я рыдала, я плакала навзрыд... я — маленькая девочка, которая недополучила любви... вот этой девочке надо дать любовь.

Я поняла, что во мне еще не отработана эта проблема. О чем мы, женщины, успели позабыть... цвета радуги, чудесный аромат цветка. Я тянусь дальше и дальше, пытаюсь найти маленькую девочку. Вот это во мне сидит. Я пока не могу с этим справиться. У меня нет любви к дочери. Я как бы говорю: «Я вас люблю...» Сама себе эту любовь я еще не подарила, потому что до пятидесяти лет я не знала, что такое любовь и с чем ее едят. Не было примера, с детства не было примера. Ребенок должен быть окутан любовью... и вот у всех этих детей будут проблемы в возрасте, у всех... в жизни мы должны научиться любить. Я все для детей делала, готовила все, я вроде их любила... бегала там, если что-то... но той любви, материнской... не было.

Сейчас вторая дочь Маша у меня мучается.

— Мам, как бы я должна любить, а я не люблю...

— Да где ты, доча... если я вам не додала... где же вы научитесь...

... звезды появились над горами, Катунь спряталась в тень гор.

Поездка в Элекмонар

Утром позвонила Лариса, подруга Раданы, она с ней училась вместе аранжировке цветов, приглашала ее на усадьбу... там Катунь, на берегу Катуня... домики, домики, домики... коричневатые... много, много, много, и башни стоят, девять башен. У них там строится туристическая база, половина уже построена, домов сорок стоит. Они хотят что-то новое создать и приглашают Радану как генератора идей. Сейчас как: вот тебе домик, вот тебе — баня... повеселиться, попить водку, в бане попариться и шурануть в бассейн. Приехав туда, Радана предложила... тем, кто обладает какими-то навыками, проводить мастер-классы. Привезли, например, человека, мастера по современным танцам, и пусть изучают хип-хоп; изучай танцы, приехал кукольник — кукол показал, художник приехал... рисуй вместе с ним. И на все лето, на месяц расписано, кто приезжает. Около бассейна юрту сделать, детский садик... Взрослые куда-то поехали, ребенка сюда сдали. Детский садик есть, няни будут.

... городок, соты — пчелки трудятся...

Человек приехал не пить водку, а поучиться чему-то, пообщаться, костры сообща проводить, концерты, чтобы чему-то научиться... глубинное это.

Кто-то стихи приедет почитает... Да много чего можно придумать, много чего... Радана проговорила все это и пошла готовить.

Радана: «Полоть траву вниз головой я уже не могу. А суп приготовить, приготовить дамламу — это пожалуйста». Подружки Ларисы, те, что с ней приехали, привезли пирогов настряпанных со щавелем, печенью...

А Радана приготовила им «дамламу». Рецепт такой. Казан, туда масло растительное немного, слой — помидор, хмели-сунели, слой — баклажанов, слой лука, чеснок — четыре зубчика, посолить, еще раз — хмели-сунели пол-чайной ложки... через двадцать минут — готово.

Вкус — обалденный! Костер. Сели за стол. Зашел Максим. Он у них и электрик, и сварщик, и мастер по дереву: «Ой, вы нас, Радана, балуете! Да как красиво, как вкусно-то!»

— Я люблю так делать, стиль жизни такой, люблю готовить. Все, что я делаю — делаю с удовольствием, и задала ему вопрос: «Любишь ли ты самого себя?» Он только через два дня выдал: «Радана, я теперь могу ответить на твой вопрос».

— На какой вопрос?

— Нужен ли я себе или не нужен?

— И что?

— Не нужен, я думал, думал, думал, думал — я себя бичую, критикую, ненавижу себя, и получается, что я себе не нужен.

Она ему объяснила: «Ты — неповторимый, ты — единственный, таких, как ты — нету, поэтому принимай себя таким, какой ты есть; принять себя, принять... живи этим моментом, который сейчас есть, наслаждайся этим моментом. Кофе, разговор — это данный момент, у тебя и завтра будет, будет хороший момент».

Он: «Я много чего умею, я много знаю».

— А почему ты собой не гордишься?

Тот вечер был вечером откровений.

Костер, Катунь, звезды

Общий шум, разговоры, смех. Проясняется тема разговора: «Как понравиться мужчине».

... женщине не надо ухлестываться, не надо, вообще не надо ухлестываться. Самая главная задача женщины — это уметь нравиться, главная, значит, задача. Если ты

нравишься, значит, все замечательно, тебя примут... такой, какая ты есть. Если ты там не успела сготовить... не успела там чего...

— У меня дочь... она встречалась с мужчиной, который возил ее в Турцию. Надо было под него выглядеть на сто процентов, покрашенной, педикюрчик, маникюрчик, все с иголочки, она должна была соответствовать его стандарту, она должна быть вот такой. Потом у нее появился второй мужчина... если она там перепила... и ей плохо... он уходит, оставляет ее и говорит: «Будет тебе лучше — позвонишь...» Если кто-то приходит: «Одевай халат».

Она: «Да я же в шортах, сверху маечка».

— Одевай халат, не дай Бог, кто-то что-то там увидит!

А сейчас у нее мужчина... не надо под него подстраиваться: покрашенной быть или соответствовать... одежде там... Он принимает ее такой, какая она есть. Она сейчас не красится... ей плохо — он тут, как тут. Вот что значит — человек любит не по страсти.

Радана молчит. Подозрительно долго молчит, это начинает настораживать... В стакан наливает красное вино, выпивает... и тут же наливает еще. Это на нее не похоже. Все притихли. И вдруг с надрывом кричит: «Я не хочу родиться бездомной собакой... Я не хочу родиться собакой... бездомной...». Ее начинает колотить, она рыдает: «Я не хочу родиться...»

Пауза. Все растерялись... Это всех обескуражило. Лариса, ее подруга, первая вышла из ступора, подбегает к ней, обнимает ее, гладит, что-то говорит; отводит от костра... туда, к Катуню... И так эти две тени стояли, изредка освещаемые всполохом костра... Стояли они долго...

Кто-то: «Перепила... Да нет, на нее это не похоже. От красного полусухого такого не бывает...»

Время шло медленно. Радана пришла в себя, успокоилась и попросила подругу оставить ее. Она легла на траву возле зарослей багульника и под звенящий шум Катунки лежала долго... Лариса, конечно, не отводила от нее глаз. Подошла к костру: там шум, там споры продолжались... небо усыпано звездами, горы, как стражи, отбрасывали резкой полосой тень.

Воспоминания Раданы.

Была я на свадьбе в Алтайском... была жара... собрались на «Икарусе» ехать на озеро... купаться.

Только отъехали одну остановку — автобус сломался... Это было на горе. И я чувствую, что я — все... Помню через толпу... а там — муж, сын, зятевья, все родственники, братья двоюродные, мама... Выхожу из автобуса, и я, как рыба из воды, выплываю... И вижу подстанцию, там холодочек, и трава-мурава высокая... и холодок. И я думаю: «дойти бы мне...» Уже ничего не соображаю... я чуть ли не бегом опускаюсь на эту траву, и говорю: «Матушка-Земля, травушка-муравушка, помоги мне. Я здесь родилась, это моя родина... помоги мне». И я теряю сознание.

... очнулась, гул какой-то, как на аэродроме, гул какой-то слышу. Голос мужской: «... женщина, вам плохо?»

Я открываю глаза: передо мной мужчина, он говорит: «Вам плохо?»

— Нет, мне хорошо...

— Автобус ушел.

— Как ушел?.. осмотрелась — никого нигде... тишина. Я поднимаюсь: у меня ничего не болит, мне так классно, мне так хорошо. Я говорю: «Вы меня не увезете на озеро? Довезите меня». Он меня довозит до озера. Обо мне забыли. А там человек семьдесят было. И у меня такая легкость, мне хорошо. И я запомнила... это помогает, надо просить... и земля помогает. Минут через сорок муж несется на парусах, брюки у него мокрые, искупался, и только тогда до него дошло: «Куда жена исчезла?»

Костер. Вышла луна. Катунь заблестела. Радана подходит к костру в прежнем состоянии, чуть насмешливо спрашивает: «Ну, что? Нашли рецепт, как понравиться мужчине?»

— Нашли... Подсаживайся, а твой какой рецепт?

Радана: «Выкопай яму, разожги костер, через час убери угли, брось траву, ложись туда, обложив себя кизяками...» Все смеются.

— Радана, ты сдурела.

— Да, я сдурела, а ходить, как антилопа гну, и жаловаться на жизнь...

Кто-то: «Это дело надо уравновесить». Разливают вино. Радана отодвигает свой стакан. Шум Катунь. Пауза. Радана: «Технология такая... выкапывается яма, раскладываются большие плоские камни, на эти камни кладут дрова, часа два топится, и костер на этих камнях, прогревается земля, и камни... потом все-все убирают... эти угли... Прогрелась земля, прогрелись камни, укладывается трава, на траву — целлофан, человека обмазывают свежим коровяком, заворачивают в простынь, и лежи, как мумия, два часа.

Тут я была у Анны... и наблюдала такой момент. Парень, не то с Омска, не то с Томска, точно не помню... здоровый такой, крепкий, ну, как положено мужчине быть молодому... и весь в язвах. Его выписали из больницы, врачи ничего сделать не могут... Смотрю, парень косит траву и косит... А потом они выкопали в саду яму — и его туда уложили...

Осенью я приехала к Анне, смотрю — парень с чистой-чистой кожей... выздоровел этот парень. Вот такая технология».

— А сама-то прогревалась?

— Я ложилась на час... мы должны были на следующий день идти в поход. Выходишь оттуда, как царица-Лебедь. Ощущение легкости, обалденности... Все мужчины — твои.

Все, что связано с землей, все это помогает, все помогает и лечит... Женщины уповают на косметику, на салоны, а тут внутреннее потрясение. Я внутренне меняюсь, и моя внутренняя красота просвечивается насквозь... притягиваются люди.

— А мужчины?

— И мужчины, да, однозначно. Ты, как магнит...

Откуда-то с гор, толи эхо, толи камнепад, идут какие-то звуки, прислушаться... можно услышать мелодию... звучит Алтайская эпическая тема, тема подземного мира и верхнего мира... Постепенно тема переходит в мелодию Катунь: быструю, искрящуюся... Радана начинает танцевать... ее сменяет молодая девушка (это дочь Ларисы, она учится в местном колледже искусств)... Та выходит к берегу Катунь... Лунный поток... отсветы костра... и начинается по сути мистический танец... Тут важно войти в поток... держать образ — и движения пойдут спонтанно... Девушка, похоже, поймала волну, какая-то сила подхватила ее... ее прыжки, ее кружения завораживали...

Катунь, тема любви — она стремится к возлюбленному... пороги, кручение на месте, — она прорывается сквозь них... некоторые моменты в танце даже пугают...

... Звенящие звуки, звучит современная обработка Алтайской темы... кто-то пытается подключиться к этому танцу — его отбрасывает... Справиться с этим звуковым потоком удастся только девушке.

Все внезапно обрывается. Девушка, обессиленная, падает на колени. Радана подходит к ней, обнимает.

Все сдвигаются к костру. Чай на травах уже готов. Говорить не хочется. Тишина. И шум Катуня, кажется, уже другой: убаюкивающий, мелодичный...

... Радана: «Полюбила я мужчину замужнего, встретились — табу, табу. А вот встретила, и пережила несбыточное состояние. Да, я понимаю. У меня женатый мужчина. Господь нас свел. В той жизни у нас доходило до свадьбы... И свадьба распалась. А в этой жизни — мы с ним любовники. И я на сто процентов знаю, что это моя половинка, и что, может быть, в этой жизни мы будем вместе. Не в этой, так в той жизни будем вместе. И я, когда был семинар взаимоотношений, я начала этот свой опыт выдавать — у всех челюсти поотвисли. Я такое рассказала, все же боятся. Я говорю: «Так-то, так-то, так-то». И одна там: «Когда я была замужем... нельзя так поступать. Разве можно, он женатый мужчина...»

А руководитель: «Лиза, а ты счастлива была?»

А Радана была счастлива, она не разбила семью. Она встречается с этим человеком, и он благодарен ей, что она сохранила семью. Это где-то видано, где-то слыхано? И у нас на работе женщина говорит: «... Я должна быть любовницей и больше никого не должно быть».

Я говорю: «Так это — часть его, ну как это можно часть любить. А я люблю своего человека с мамой, сестрой, с зятевьями, с собаками, с внуками, с детьми... с женой, и тогда — все целое. Я уважаю жену. Я ему как-то говорю: «Береги жену». Поэтому у нас

и отношения долгие. С мамой знакома, с женой знакома. Я к ним домой приходила. Я смогла создать такие отношения, смогла создать».

Кто-то спросил: «Она догадывается?»

Несколько лет назад сон мне приснился...

... как будто частный дом. Мы должны куда-то идти вместе с моими родственниками, и они должны были идти... вместе гулять...

Русская печка стоит. А я должна была остаться в этом доме. И подходит он с женой, и подает мне сверток в такой старой газетке, и она этот сверток положила на печку, на русскую.

... они пошли. Я в окно смотрю: они идут в направлении... там праздник какой-то, че ли... и на ней одета... вуаль. И я поняла: она знает, ей невыгодно это раскрывать... она мне доверяет, что я его не заберу. И когда они ушли, скрылись, я беру этот сверток из старой газетки... раньше были свитера однотонного цвета, кирпичного, разного, плотной такой вязки, коротенький такой... А здесь орнаменты проходили: олени, голубая клетка, олени... старенький такой.

... я думаю: зачем он мне отдал, мог бы на даче еще поносить... и я поняла: красный цвет, как бы я — овен, а полоска эта — он рыба, голубого цвета... и что он дал мне на хранение.

Как я захочу... у нас были разногласия после смерти мужа, не хотела с ним... был такой момент, я не хотела с ним встречаться, и он дал как бы свитер — тепло, как бы дал на хранение... как я поступлю, потому что сам свитер красного... много огня, кирпичного цвета, а полоска эта, как я поступлю: наши отношения вести, или же я откажу... дал мне, чтобы я решила, как поступить: или же положить, завернуть и положить на печку и с этой печалью всю жизнь ходить.

Такие мне сны снятся... дают ответ мне все, и поэтому я себя нисколько не осуждаю... я рассказывала детям, дети мои знают. И себя никогда не осуждала. Господь дал... и если бы я не взяла это, то меня бы в живых не было. А мужчина мой, он позволял мне быть такой, какая я есть, он поддерживал меня, всегда поддерживал. Придет и говорит: «Я так люблю слушать твою белиберду».

Утром мы собрались уезжать. Идет Максим. Я говорю: «Максим, я хочу с тобой обняться». Бежит, руки так растопырил, хотя сестра его жены тут сидит, родственники...

Я подлетела — мы обнялись. Он говорит: «Как я вам благодарен, вы так меня подняли, вы так мне помогли...»

— Не зацкливайся на этом, что есть, то есть. Вообще ни на чем не надо зацкливаться. Ни на какой проблеме, просто принял ее, отпустил и... пошел дальше. Пришла мысль, поздоровался с ней, какая бы она ни была, прими ее, оставляй, иди дальше, не зацкливайся, не запинайся, иди, иди, иди... просто думать не надо, просто действуй, действуй, шаг сделай — не думай: абы так, может, надо или не надо... иди... получил по лбу — ты понял, для чего...

У Максима аж слеза выступила. Он, не думая, обнял Радану.

Подошел автобус, загрузили вещи — поехали.

Возвращались тем же путем: Узнезя, Усть-Муны, Манжерок, Майма. В Майме Радана пересела на другой автобус, идущий на озеро Ая, а подруги поехали дальше, они были чуть «под шафе» и орала: «Ромашки спрятались. поникли лютики... зачем вы, девушки, красивых любите?» — летели фразы из окон автобуса... Радана им махала рукой. Озеро Ая, знакомые места... Путь ее лежал в Нижне-Каменку. Дело в том, что вчера поздно вечером позвонила Анна и сказала: «Приехали из Челябинска, из Магнитогорска приехали на семинар, на осеннюю встречу, и завтра идем на гору Бабырган, присоединяйся...»

«... ромашки спрятались, поникли лютики...»

... у горы Бабырган?

Мы приехали в 16.00, взвалили на себя рюкзаки и пошли... не прямым на Бабырган, а немного по входу, по гребню...

Великолепная погода, солнечный день, нам жарко, но чем дальше мы по горам углублялись, по хребтам по этим, тем нам жарче становилось, но в один какой-то момент мы услышали, что где-то, где-то гремит гром; небо чистое, гром где-то вдалеке, не так быстро до нас дойдет, и вот момент — в течение получаса налетел ветер, случился этот шквальный дождь, была гроза; страха не было, было состояние — только бы не промокнуть...

ставили палатки в темноте и при шквальном уже ливне, поставили, залезли,

переждали... промокли: дождь перестал, чаю напились... и разом согрелись

в тот момент, когда утихло, Галина перешла на ту сторону хребта, и она говорит: «посмотрите, посмотрите, там огни цивилизации, манящие огни», на них смотришь и понимаешь: туда совершенно неохота, у нас здесь лучше, пусть мы мокрые, пусть нам холодно, пусть у нас только чай, помидоры; у нас палатка — попытайся залезть туда и спать,

а палатка под углом градусов тридцать — сорок пять, скатываются ноги, и ты скатываешься... или под спиной — кочки; в кромешной темноте парни переставляют палатку, где-то ищут, затапывают участок, где можно спать — хотя бы не стоя... не хочется в огни большого города... а Горно-Алтайск — он такой маленький, аккуратненький, и он заманчивой...

а утром, когда проснулась и опять поднялись посмотреть — где там Горно-Алтайск...

... за нами поползли туманы, ступенька за ступенькой... поднимаемся, холодно, сильный ветер, мокро...

мы поднимаемся на другую высоту, другая как бы ступень, а мне и другим: «вы дальше пройти не сможете, у вас... ну, как бы, говоря банальным языком, — вы недостаточно чисты»

мне дается в руки икона: «Читай молитву», и с этим «Отче наш», с иконой поднимаюсь вверх, и меня начинают сотрясать рыдания... откуда приходит.

откуда... я себя не накручиваю, я, наоборот, себя отпускаю и позволяю себе... проживать любое состояние, которое в меня заходит... и я с этими рыданиями, с этими иконами поднимаюсь все дальше и выше... дыхание перехватывает: тяжело, ощущение такое, что на тебе воз камней... ну, поднялась, стою, думаю, ну, что делать? Рябину увидела, а рябина растет на каменистом уступе, и такое место... я думаю: «хорошо бы икону положить туда, к этому рябиновому кусту, и поднимаюсь на этот камень, под эту

рябину... у меня ощущение такое, что я молюсь этой рябине... чуть ли не «прости меня»...

а что такое рябина...

Если весь мир — это воплощение символов и знаков в естественной форме, то рябина — на другом уровне — это капля какой-то энергии, какой такой энергии я поклонялась...

Анна сказала: «это соединение мужского, женского, это соединение... целостность, проявление целостности... плоды рябины дают плоды целостности...» для меня это было красное, зеленое и что-то еще... божественное...

Анна говорит сакральным языком, молитвы какие-то прочитываются — реакция разная... Кто-то хочет Анну обнять, сказать спасибо, а я стою и думаю: «а мне надо к ней подходить или нет?»... она там стоит на камне, я думаю: «а мне надо идти или нет...» Я стою спокойно...

... в один прекрасный момент я чувствую: у меня сердце — дрык, дрык... Я понимаю, что мне надо. я спускаюсь к Анне, подхожу на этот камень, я падаю ей в ноги... я понимаю, мне надо пасть в ноги, и просить прощение, за что — не знаю, но ощущение такое — проживание состояния, отпускание себя, отпускание мыслей...

Ты делаешь на уровне интуиции — идут какие-то эмоции — пусть проходят... приходят на ум какие-то слова — проговаривай, после этого, когда я прощение у Анны получила, я поднялась уже с другими чувствами, другой наполненностью...

Спасибо тебе за эту землю, как человеческую арену, это человеческая сцена проигрывания жизни... Господи, спасибо тебе за эти декорации... за то, что я в этом участвую...

Да, это на уровне физического ощущения: нету чувствования, а для чего нету

чувствования... а для того, чтобы ты увидела; я иду и говорю: «Анна, что происходит: у меня что происходит?» Она говорит: «Так оно и есть: вся жизнь — игра».

На каждой ступени, на каждом действии у нее разный вокал, то ли у нее горловое пение, то ли женский убаюкивающий вокал, материнское...

Они описывают цвета, они описывают форму...

Они энергетику видят.

Дети были в лагере. Они собрали кучу грибов; Смородина;

Описание Родины; древо мира; у Друидов: поклон.

У меня было поклонение этой энергии... которая воплощена на Земле в виде рябины... да, я понимаю... что у меня идет переход от дуальности к цельности.

Я начинала, наконец, понимать, что такое жизнь в неддуальном мире, а в целостности, но это настолько энергетическая болтанка — то там, то там, то там... это сильно.

А тут идет взаимодействие с рябиной, а рябина — это целостность, единение мужского и женского... да это мне надо ... запрос такой делала, а как быть целостной, а как уходить от дуальности, а как понять, что нет ни хорошо, ни плохо — прими, просто принимай... обмен энергии — просто обменяться энергией — и пойти себе, и просто смотреть, что будет дальше.

Ливнем таким промыли, молния такая была рядом с Наташей, прямо с ней рядом молния была, близко, рядом с ней... молния была сильнейшая... Я на нее смотрю и понимаю: она

сейчас получит заряд. Страх нет. Рядом с ней бабахнуло... когда ты находишься в действии: ты в действии находишься, под дождем; ветер дует, ты мерзнешь, и в то же время... в этом что-то есть, чуть выше... все идет своим чередом... для меня Бабырган открылся, там надо побывать... он настолько красив».

Эти утесы, скалы, проходы... ты проходишь... он разрушен, Бабырган, водой, ветром... Там настолько такая красотища... идешь... обалдеваешь, ноги, они меня поднимают, нет физических ощущений, ни боли, ни передвижения — ничего...

Говорят, восходи в духе... я не понимала, что это такое — физику не чувствуешь, ты ее двигаешь, ты ею управляешь... она тебя поднимает.

Священная гора, они ей поклоняются — там идет построение на энергетическом уровне!

Был такой еще момент, когда я спускалась: начала рвать траву, там душицу, пятое-десятое, то-се, и чувствую — заземление идет, я уже чувствую траву, я уже чувствую солнце, эту красоту земли... Песню. А песню — уже полное заземление пошло... а ребенок у Марины, ему уже десять лет, и когда мы возвращались, он говорит: «Мам, у меня такое чувство, что это все нереально». Он с нами не поднимался, а я подумала, как этот маленький мальчик почувствовал то же, что почувствовала я. Оно что, передалось, или это чисто его переживание... но, как говорят продвинутые йоги: «Нет ни твоего, ни моего, есть одно — общее». Мы с ним были на одной волне, у меня был такой момент, когда мы спускались, и шел разговор ни о чем, я его погладила по голове, он обувь переобувал, носки — то ли он уловил мое состояние, вошел в него и ощутил это, то ли его собственное, но он его проговорил.

Еще был момент. Я когда икону положила на каменный выступ такой, потом, когда выше стала подниматься, я думаю, надо мне веточку из рябины отломить, отломил и в карман положила... поднимаемся туда, в чашу, заходим — икону в нишу поставили, кто-то из нас говорит: «хорошо бы свечку поставить... ни у кого свечки нет...» Галя говорит: «можно просто цветочек положить — ой, давайте веточку, ага, веточку давайте, рябиновую веточку...»

Люба, ты должна оторвать рябиновую веточку... Я говорю: «Люба, стой, стой, стой...» и я

достаю эту рябиновую веточку... смотри, какая цепочка. Я говорю: «На, она уже вот она». Маринка пошла, и ее туда положила... эту рябиновую веточку... А все не случайно, круг замкнулся, здесь в этом месте, на Бабыргане — вот оно.

Там был еще интересный момент... по мере нашего поднятия, на ступени — был такой момент — налетел такой шквальный ветер, и он заволок нас всех этим туманом, он пронизывал буквально, состояние было такое энергетическое: ты понимаешь, что тебе холодно... но звук, звук где-то идет такой... тебе холодно, но ты не можешь остановиться... т. е. постучать зубами, потрястись, зажаться как-то, чтобы погреться: это и нужно с одной стороны, а с другой стороны, ты понимаешь, что ты находишься как будто в другом измерении, в другом чувствовании... хочешь петь — пой, хочешь издавать какие-то звуки — издавай.

... я на себе поняла, что мне пошли низкие ноты, типа горлового пения, и они... вибрировали... с чем можно сравнить... с поющей чашей, когда разгоняешь удар, этот звук поющей чаши уходит вверх... состояние внутри было такое.

А потом... что делала сама природа... тут пошли капельки в тумане. Было ощущение, что идет дождь, а на самом деле, был такой густой туман... мы, конечно, друг друга видели, но он уже был настолько мокрый, на волосинке капельки, они такие прозрачные, искрящиеся, но несколько раз выглядывало солнце, лучи солнца... они выходили, и кто-то успевал их ловить... но когда мы поднялись совсем наверх, до того, как поднялись совсем наверх, мы поднимались, и чувствовали — тяжело подниматься... несколько ступеней там прошел — одышка идет, и вдруг после этой чаши — после этого действия я поняла, что я поднимаюсь не на ногах... ноги при мне, они меня поднимают, ими иду, но я не чувствую... ощущение такое, что меня ведут ноги, и они как подъемник, и я говорю: «У меня такое чувство, что я парю, нет ни усталости, ни одышки, ничего...» Очень интересное состояние...

Как будто физическое состояние полного очищения — от боли, от страдания, ощущения радости тоже нету, оно гармонично, целостно и наполнено... что такое, я слов подобрать не могу.

Само место Бабырган оказалось сказочным, его надо видеть...

Дело в том, что там такие стражи, утесы — каменные стражи утесы, и мы поднимаемся по тропинке... мимо этих каменных стражей... идем по этой тропинке, но как ты по ней идешь... в каком состоянии и что видишь...

Заходим мы в какое-то место, типа грота: и я вижу... там растут рябина, где-то кустарник... где сосенка небольшая, елка... Но у меня было такое ощущение, что они посажены, что они не сами выросли: у них буквально какое-то геометрическое расположение... что это как будто руками человека посажено, хотя это такое природное явление.

... поворачиваем за скалы — там насыпанная от водяного потока... глыба камней... Эти глыбы — как будто поток шел. Вот они, промытые, такие большие валуны, мимо них проходим, там — утес такой, скала такая: аж, небо — до земли... Она такая отвесная... и я понимаю, что я вижу красоты очень многих мест. Они как будто собраны в одном. Анна говорит: «Вы идите к самой чаше».

И вдруг мы попадаем в такое место — сама-то чаша, грубо говоря, полянка, на вершине горы, между гор — поляна, в этой поляне каменистой находится кострище, обложенное камнями, там очаг. Рядом дрова уложены, соль, спички (замотанные), висит чайник с водой, уже наполненной — рядом место, где лежат печенье, хлеб, картошка... Мы все — а нас тут ждали! Мы настолько были в восторге... печенюшками полакомились... тем, другим... развели костер в этом тумане. А в тумане было трудно, настолько все было сыро. Думали — разведем, не разведем — развели. Чай попили, там даже мед был, банка с медом...

Там поставили икону, положили гроздь рябины... Рябина была знаковым моментом.

От подножья Бабыргана до самой вершины она не то, что нас преследовала, она присутствовала... везде рябина.

Там столько было эмоциональных переживаний!

Там были и рыдания, и любовь. Чувство оно такое — всеобъемлющей любви. Вдруг ты понимаешь, что ты любишь... звучит очень это... это трудно передать... ты любишь каждую травинку, слова эти приземлены... на самом деле это чувство гораздо глубже, на самом деле, трудно это передать...

Былинки, соринки... человека, рядом идущего... вдруг ты понимаешь, что тебя тянет к определенному человеку... меня потянуло. Там была женщина, Ольга, я ее обняла и вдруг ее пробили такие рыдания, и мы почему-то зарыдали обе. Я ее первый раз в жизни вижу... а вот происходили какие-то моменты... они выше банального уровня понимания — что-то другое, на уровне энергетики, я не расскажу, что это...

И был очень один глубокий момент, после всего...

Я была первый раз и не осознавала, что происходит. Но когда я возвращалась, я поняла: я не опустошена, или приподнята. Восприятие моего мира находится не на этом уровне мира, а вот откуда-то сверху... и вдруг я вижу... декорации.

Я иду по краешку горы... У меня нет ощущения, что я это чувствую... я вижу великолепнейшие декорации...

Было такое ощущение, что мой разум, или мое видение, или что там в моей голове, оно идет в моем теле, но оно говорит: очень хорошо сыгранный момент, очень хорошо выстроенный момент, великолепные декорации... Это надо понимать, это те самые банальные слова, что весь мир — это игра, и наша жизнь — это театр.

Пришло глубинное понимание этого. Сначала я испугалась, подумала, что у меня, наверное, сдвиг, эмоциональное истощение... ни фига, наоборот — это именно тот уровень мышления, когда ты становишься над чувствами, над эмоциями, над удовольствием и ... взгляд идет даже не сверху откуда-то... а соединением высшего «я» — я бы так сказала. Это было минутное.

А по мере того, как мы спускались, состояние восхищения природой, солнцем, людьми...

собой ... оно возвращалось.

Этот момент восхождения на Бабырган, нахождение на этой высокой точке и в этой чаше — и наполнение внутренними чувствами, а потом наоборот...

Это переживание было не личностное, оно было даже какое-то божественное... Мы, люди, разъединены в разных телах, разные души, пирамида... вот она поднимается, поднимается...

А вот ощущение было какой-то изначальной точки — чувство было изначальное.

А чем ниже опускаемся — тем ниже, ниже, ниже, ниже. И тут до меня доходит: смотрю — люди идут не кучкой, а каждый сам по себе, по двое, люди продолжают опускаться вниз в человеческую форму, в человеческий уровень, и ты понимаешь, зачем люди идут в горы — они идут не ради каких-то действий, а чтобы пережить состояние этой божественной связи со своим личным «я».

... другой воздух, другая высота над уровнем моря, там другой воздух... отрываешься от земли, там другое магнитное притяжение, все по-другому, все по-другому...

Не каждый это может описать словами — это чувство, оно запоминается, и не надо его описывать. И мне это не особенно дано, но переживание этого... Оно должно присутствовать, иначе мы — те самые муравьи, которые ползают по телу Земли.

А тут ты поднялся, и вдруг понимаешь: «Да нет, мы не муравьи, можно достичь этой высокой точки восприятия мира... можно посмотреть на все это, можно оценить... декорации, созданные Богом...»

И сказать: «Господи, спасибо тебе за этот мир... Спасибо Богам, которые создали все это! Как я вам благодарна, что могу во всем этом участвовать. А я — это кто...»

И этот процесс поднятия, промывки нашей... переживание всей полноты эмоций... спуск
...

И я даже не знаю, на чем ставить точку... у меня нет слов.